

Вашинер Аркадий

1.2.95

Писатель должен писать

К Аркадию Вайнеру меня привела обида. Чуть ли не полгода я слышу со всех сторон, что не сегодня-завтра начнется съемки нового сериала — продолжения, наверное, самого известного и популярного телефильма "Место встречи изменить нельзя". И подробно читал в газетах: Владимир Конкин, мол, сбрил бороду, чтобы вновь стать Шараповым, но уже не храбрым начинающим опером, а этаким муровским волком — полковником или генералом. Что в первых сценах будет показан Владимир Высоцкий, он же Жеглов... Сомнение вызвало одно лишь обстоятельство: журналисты утверждали, что режиссером сериала вновь будет Станислав Говорухин. Ну уж, думаю, это явный пережест. Что же в его отсутствие делать Госдуме? Самораспуститься? И кто же без него спасет Россию?

Информация перекочевывала из газет на радио, телевидение, о новом сериале говорят в троллейбусах, магазинах, а я, старый товарищ Аркадия и Георгия, до сих пор ничего толком не знаю. Согласитесь, имею право на обиду. О будущем фильме Аркадий сказал коротко:

— Есть проект такого сериала. Кажется, решается и самый сложный вопрос — финансовый. Что еще? Пока нами не утверждена кандидатура режиссера. Разумеется, мы найдем возможность показать на экране Высоцкого. Кто же, кроме Конкина, сможет стать Шараповым? И это, пожалуй, все, что я могу сегодня тебе сообщить.

— Жеглов считал: вор должен сидеть в тюрьме. А писатель, надо полагать, должен писать. Над чем сейчас работает писатель "братья Вайнеры"? И как вы пишете вместе, коли ты постоянно живешь в Москве, а Георгий по большей части находится в Америке?

— Мы работаем над большим романом, этакая сага о старой московской интеллигентной семье. Там будет иметь место и криминал — нынешний, крутой. Работа идет довольно медленно, но вовсе не потому, что нас частенько разделяет океан. Как говорит Жора, писательское дело — это не пилка дров.

— Медленно пишется... Не потому ли, что писательский труд стал малооплачиваемым?

— Не знаю, что и сказать по этому поводу. Деньги мы зарабатываем, но мы никогда не мерили работу на деньги. И потом, мы не "новые русские", я, например, вполне обхожусь без королевских креветок и форели среди зимы. Более того, люблю картошку на сале и макароны "по-флотски" и водку пью обыкновенную, раз на виски не зарабатываю. Хотя у меня было довольно много выгодных предложений, настолько выгодных, что я и "Мерседес" при желании мог купить. Но я от этих предложений категорически отказываюсь.

Сыщики и воры

— Схема всех ваших допестроочных повестей и романов была такова: сыщик ищет и арестовывает преступника. Как и принято в классическом детективном жанре...

— Я всегда оспаривал такой подход к нашей работе, всегда был противником жанрового деления. Детективная литература у нас, да и не только у нас, считается чуть ли не второсортной. Эльза Триоле верно утверждала, что проза делится всего-навсего на два вида: есть хорошая, есть плохая.

— Поправку Триоле принимаю с удовольствием. Но тем не менее вы изменили жанру.

Ваши последние два романа "Земля и камень на зеленой траве" и "Евангелие от палача" — о бандитизме государственном, об убийцах и преступниках МГБ — КГБ...

— Телье написаны они нами еще в застойные годы. И столь резкий поворот связан отнюдь не с кризисом жанра, просто мы решили рассказать о преступлениях тоталитаризма, фашизма. Писали в полной уверенности, что при нашей жизни их не издадут. Сейчас оказалось, что многие предвидели перестроечную революцию. Мы этого не видели, полагали, что тьма тех времен будет длиться еще многие десятилетия. Но нас так переполнял собранный с большим трудом материал, что мы считали себя обязанными оставить людям эти достоверные свидетельства, изложенные в художественной форме.

времен, от должности, от величины зарплаты — оно зависит от человеческой совести. И утверждать, что сегодня такое отношение невозможно, мне кажется, совершенно неверно. Потому что и сегодня людей порядочных, нравственных, способных удариться душой о чужую боль, никак не меньше, чем было тогда, я полагаю, даже больше. Это, конечно, мое личное мнение, но, как говорят в таких случаях, я его глубоко разделяю.

— Но как бы в ваш роман "лег" сотрудник милиции, откровенно работающий на преступников?

— Вполне нормально. Двурушники и предатели были и будут всегда и везде. Пример? Пожалуйста. Будучи следователем, я вел дело подпольных трикотажников. Так вот, на них работали двое старших офицеров — полковник и

милиейские патрули, сразу же обстановка на улицах заметно улучшилась. Появятся силы у милиции — сломают хребет и организованной преступности, и мы будем с недоумением вспоминать время, когда порой вечерами боялись выходить на улицу, устанавливали в квартирах бронедвери и еждневно читали в газетах о взрывах, убийствах, изнасилованиях...

Приговор приводить в исполнение?

Рабочий стал Аркадий Вайнера полон бумаг. Но это не рукописи будущих повестей, романов или киносценариев, не верстка книги, а судебные дела. Аркадий — член комиссии по помилованию при президенте России. Работа эта очень ответственна, поскольку за каждым делом стоит судьба

на протяжении многих лет население целого города, но... Но у преступника двое детей, мать-старушка, сам он болен, допустим, туберкулезом... А почему, говорю я, вы не хотите проявить милосердие к пострадавшему? К родителям той самой девочки, которую бандит зверски истязал на протяжении нескольких часов, буквально разорвал ее, а потом и убил? Я тоже считаю, что время-волкодав ушло, нужна эра милосердия. Но с оглядкой на реальную обстановку.

— То есть ты категорически против отмены смертной казни?

— На данном этапе — да. Считаю, что распространенное, точнее распространяемое, мнение, будто ужесточение наказания не помогает в борьбе с преступностью, — это блеф. Возможная смертная казнь удерживает от совершения многих преступлений. Я считаю, что нельзя сохранять жизнь людям, творящим кошмарные кровавые преступления против личности. И всегда подчеркиваю: караться смертной казнью должны только тягчайшие преступления против личности.

— А президент безоговорочно подписывает решения комиссии?

— Так было раньше. Но в последнее время, видимо прислушавшись к протестам россиян, он вернул комиссии несколько подготовленных указов о помиловании бандитов с просьбой еще раз вернуться к их рассмотрению. По большинству из них комиссия свое решение подтвердила, тогда президент вторично вернул эти материалы. Некоторые члены комиссии расценили это как давление на комиссию.

По всем этим делам несколько членов комиссии, я в том числе, голосовали за отклонение ходатайств, но остались в меньшинстве. И мы настояли, чтобы президент получал документ, в котором бы говорилось, сколько членов комиссии высказываются за помилование, сколько возражает, каковы мотивы у каждой стороны. И поскольку в конечном итоге всю ответственность за окончательное решение берет на себя президент, пусть он ее и берет.

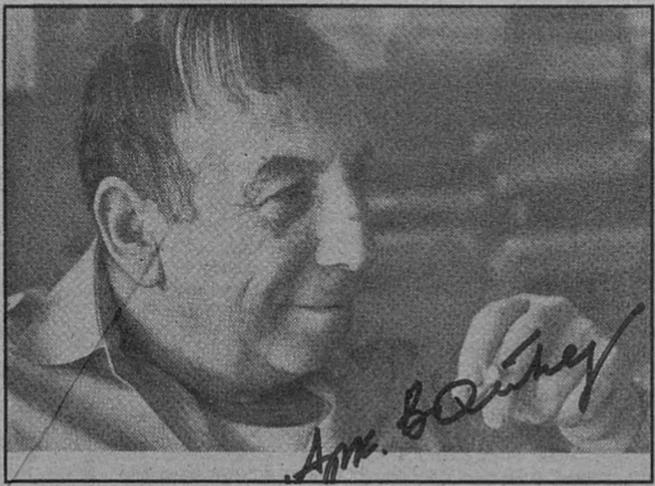
— В таком случае нужна ли ваша комиссия?

— Не только нужна — необходима. Это важный гуманитарный институт, гарантирующий людям максимально возможное милосердие.

Владимир НАЗАРОВ.

МЕРА МИЛОСЕРДИЯ

Нельзя сохранять жизнь людям, творящим кровавые преступления

— Но попади ваша рукопись в известный дом...

— Нам просто-напросто свернули бы головы. Мы это прекрасно знали и не собирались играть в кошки-мышки с КГБ. И, сознаюсь, испытывали настоящий страх перед возможным разоблачением. На наших глазах творили расправу над Даниэлем и Синявским, которые пострадали только за то, что написали правду.

Мы были предельно осторожны. Над романами работали более четырех лет, а никогда не держали в доме более трех-четырех машинописных страниц. И хотя у нас в то время была с советской точки зрения вполне пристойная репутация, мы понимали, что не застрахованы от обыска. А потому рукописи хранили в тайниках у ближайших друзей — Фазиля Искандера, Анатолия Приставкина, у недавно умершего Михаила Абелева...

Кстати сказать, мы не изменили прежнему нашему жанру и опубликовали "милиейские повести" — "Объезжайте на дорогах сбитых кошек и собак" (по мотивам снят фильм "Потерпевшие претензий не имеют"), "Завещание Колумба", "Женитьба Стратонова"...

— Известно, вы никогда не ввали в своих произведениях, у вас преступления раскрывали лейтенанты и капитаны, а не генералы и секретари парткомов. Ваш герой Стас Тихонов в одной из повестей чуть ли не месяц занят раскрытием только одного преступления — убийства журналистки. Так оно и было в действительности. А сейчас, когда на страну обрушился буквально обвал страшных преступлений, как повел бы себя Тихонов?

— Точно так же. Потому что страстное, личностное отношение следователя — это сугубо индивидуальное качество. И оно не зависит от

подполковник УБХСС. Они не только осуществляли над ними опеку, охраняли цеха от милиции, даже грузы сопровождали. Предателей разоблачил их же подчиненный, молодой совсем парень — вполне закономерный финал.

И рэкет был всегда, и мафиозные разборки, и захват заложников, и похищение детей, и заказные убийства. Помню, адвокат нанял двух бандитов, чтобы расправились с любовником его жены. Разница, конечно, очевидна. Те шли на "дело" с ножами, нынешние пользуются импортными снайперскими винтовками, адвокат заплатил "своим" по пятьсот рублей, сегодняшний киллер берет десятки тысяч долларов. Ну, так в те годы люди галоши носили...

Согласен с тобой — пугает размах преступности. Но после любой революции, серьезных потрясений в обществе преступность всегда активизировалась. Так было после Гражданской войны и Отечественной. Так случилось и сейчас, в период военного антикоммунизма и второго НЭПа...

— Ну и к чему же мы придем?

— По мере того как будет укрепляться государство, которое и создается, чтобы защищать своих граждан, вся эта муть будет осаживаться. Могу привести очевидный пример. Как только в Москве появились смешанные военно-

человека. А сколько времени она требует, если ежемесячно через комиссию проходит до тысячи таких дел. Недавно на страницах нашей газеты о работе этой комиссии рассказывал ее председатель писатель Анатолий Приставкин.

— Я подписчик "Курантов", читал интервью Приставкина, — говорит Аркадий. — Но, как часто это случается и в работе комиссии, с мнением уважаемого Анатолия Игнатьевича не согласен.

— У вас натянутые отношения?

— Боже упаси. Мы друзья, я очень люблю его как писателя, глубоко уважаю как человека, что не мешает нам заниматься на заседаниях комиссии противоположные позиции. Однажды, когда обстановка на комиссии была особенно накалена, я спросил Приставкина, не подать ли мне в отставку, поскольку я занял как бы враждебную ему позицию. Тем более это он пригласил меня в комиссию, а президент лишь утвердил. Приставкин не согласился с этим, сказал, что борьба мнений — это лучшая среда для поиска и обнаружения истины.

— У тебя есть претензии к интервью Приставкина?

— Какие могут быть претензии, коли он высказывает свое отношение к проблеме? Но, конечно, я, как это часто бывает, не во всем разделяю мнение своего председателя.

— В чем же вы расходитесь?

— Он сетует, что дела главных преступников до комиссии не доходят, а мы рассматриваем преступления более мелкие, так называемую бытовуху. Это так, но... Глобальные преступления организуемые на огромные деньги, подготавливаются тщательно и грамотно и потому очень трудно раскрываются. Да и в случае провала преступников стараются вывести из-под удара — с помощью лучших адвокатов, иногда идут в ход взятки, запугиваются или подкупаются свидетели, должностные лица. Приплюсуйте сюда несовершенство законодательства, и станет ясно, почему редко попадают на скамью подсудимых самые-самые...

те дела, которые доходят до нашей комиссии. Очень часто люди попадают под суд в результате пьянки, которая заканчивается ударом ножа, утюга, вот вам и убийство или тяжкие телесные повреждения.

Но большая часть рассматриваемых дел — это преступления, совершаемые уголовным элементом, в значительной мере рецидивно, то есть профессионалами. А совершают они кражи, ограбления, разбойные нападения, изнасилования, которым часто сопутствуют убийства, причиняются тяжелые телесные повреждения, убийства с корыстной целью. Таких дел у нас много, "авторы" самых кровавых из них приговариваются к исключительной мере наказания — расстрелу.

— В чем — главным — вы расходитесь с Приставкиным?

— Не только с Приставкиным, но и со многими членами комиссии. Некоторые из них — принципиальные противники смертной казни. И голосуют за помилование даже убийц ранга Чикатило...

— То есть явочным порядком отменяют Уголовный кодекс, который предусматривает исключительную меру наказания...

— Да. И я чаще всего остаюсь в меньшинстве. Вовсе не от своей жестокосердности. Просто мы с оппонентами поразному понимаем само понятие "милосердие". Они говорят: да, он убивал, насиловал детей, грабил, терроризировал